

«Проклятые часы» Ф.З. Джалали в контексте поэтики Ф.М. Достоевского

Завьялова Елена Евгеньевна*

профессор Астраханского государственного университета,
Астрахань, Россия.

(дата получения: июнь 2016 г.; дата принятия: январь 2017 г.)

Аннотация

Статья посвящена анализу рассказа известного иранского писателя Фируза Занузи Джалали. «Проклятые часы» сопоставляются с произведениями Ф.М. Достоевского, находятся аналогии с событиями романа «Преступление и наказание». Проводятся параллели между уличными происшествиями, участниками которых становятся герои, отмечаются сходства в описаниях увиденных персонажами картин, в изображении их комнат, а также близость портретных деталей. Сравниваются характеры главных героев – Сакита и Раскольников; доказывается, что каждый из них руководствуется особыми принципами. Раскольников проверяет свою исключительность, совершая убийство; обуреваемый гордыней, он отдаляется от людей. Действия Сакита не столь радикальны, но их отличает та же установка – ни к чему не привыкать и не привязываться; это желание означает готовность к отвержению любви. Утверждение подсознательной, рефлексивной природы асоциального начала в человеке – важная идея, объединяющая произведения русского и иранского писателей. В результате сопоставления делается вывод, что в оба главных героя переходят от ощущения собственной исключительности к осознанию «всемства», общности.

Ключевые слова: Ф.З. Джалали, Ф.М. Достоевский, Компаративистика, Двойственность Изображений, Хронотоп, Идея.

* E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

**"Cursed Watch" F.Z. Jalali in the context of F.M. Dostoevsky's
poetics**

Zavyalova Elena Evgenevn *

Professor, University of Astrakhan,
Astrakhan, Russia.

(date of receiving: June, 2016; date of acceptance: January, 2017)

Abstract

This article analyzes the story known Iranian writer Firuz Zanuzi Jalali. "Cursed Watch" compared with the works of F.M. Dostoevsky, are analogous to the events of the novel "Crime and Punishment". There are Parallels between street accidents, there are similarities in the descriptions seen by the characters, marked similarities in the descriptions of the paintings, which have seen characters, similarities in the image of their rooms and the proximity of the portrait details. We compare the characters of the main characters – Sakit and Raskolnikov; it proves that each of them is governed by specific principles. Raskolnikov checks its exclusivity, committing murder; hero mired in pride, he is moving away from people. The actions of the Sakit is not so radical, but they are distinguished by the same setting – nowhere to get used to and do not bind; this desire means a willingness to reject love. Adoption of the subconscious, antisocial nature of the reflex principle in man – an important idea, uniting works of Russian and Iranian writers. The result produced by comparing the conclusion that the two main characters go from a sense of their own exceptionalism awareness of the community.

Keywords: F.Z. Jalali, F.M. Dostoevsky, Comparative, the Duality of the Image, Chronotope, Idea.

* E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Введение

Исследования по компаративистике часто критикуют за бесосновательность сопоставлений, произвольность нахождения межлитературных связей. Действительно, когда у учёного нет доказательств того, что автор произведения был знаком с наследием своего предшественника (современника) – и знаком в достаточной степени, – сближения могут показаться надуманными.

События, описанные в рассказе Ф.З. Джалали, мало похожи на коллизии прозы Ф.М. Достоевского: их разделяют многие десятилетия и тысячи километров. Кроме того, произведения несопоставимы по объёму, жанровая несходность обуславливает серьёзные различия в охвате материала, хронотопе, композиции, системе образов, характере обобщений и проч. Но буквально на первой странице «Проклятых часов» есть прямая отсылка к роману русского писателя. Торговец из антикварного магазина сравнивает Сакита (так зовут главного героя) с персонажем Ф.М. Достоевского, Раскольниковым (Джалали 2010. 79). Старик тут же поясняет: «Вы не читали роман “Преступление и наказание”? Главный герой его – Раскольников»¹ (Там же. 80). Если учитывать тот факт, что в рассказе не упоминается больше никаких имён, фамилий и названий, становится очевидной принципиальная важность обращения автора к «чужому» тексту. И наше исследование делается вполне обоснованным.

Основная часть

Начнём с урбанистических деталей. Действие рассказа Ф.З. Джалали происходит рядом с магистралью (судя по скорости проносящихся машин), и большинство обозначенных подробностей связано именно с ней. Показательно неослабевающее внимание героя (и повествователя) к местонахождению: «на другом конце улицы» (Там же. 83), «перед ним была улица» (Там же.), «перевёл взгляд <...> на длинную тёмную улицу» (Там же. 82), «посмотрел на

1. Здесь и далее мы используем перевод, выполненный М.Б. Гетахун и Дж.Х. Дорри.

улицу» (Там же. 87), «смерил глазами улицу, ведущую к дому» (Там же. 85), «уходил всё дальше и дальше от телефонной будки вниз по улице» (Там же. 86). Несколько раз упоминаются стены домов: «облокотившись о стену» (Там же. 84), «отошёл от стены» (Там же. 85), «ударился о стену» (Там же. 86). Дважды – звуки автомагистрали: «сигнал пронёсшейся на огромной скорости машины» (Там же. 79), «гул проезжающих машин» (Там же. 86).

Повествование связано с перемещениями главного героя. Господин Сакит стоит возле витрины антикварной лавочки, несколько минут разговаривает с торговцем, затем идёт дальше. Ливень заставляет его спрятаться под деревянным навесом какого-то магазина (откуда всё ещё видна та витрина). Здесь происходит столкновение Сакита с мальчишкой, преследующим собаку. Дождь прекращается, герой направляется к расположенной поблизости телефонной будке, где с ним случается ещё одно неприятное происшествие. Необходимость срочно позвонить доктору вынуждает Сакита быть чрезмерно настойчивым по отношению к незнакомцу, ведущему телефонный разговор. Нетерпеливость, назойливость героя вызывают у мужчины возмущение: он вешает трубку на рычаг, выходит из будки – и даёт Сакиту оплеуху. Тот падает на колени. Его обступают люди. Рассказ завершается.

Главный герой «Проклятых часов» бродит по улицам города в одиночестве, как и его предшественник, Родион Раскольников. Эти передвижения символизируют бесприютность персонажей. Люди то появляются с ними рядом, то исчезают. У Ф.З. Джалали: «Редкие прохожие, оказавшиеся в это время на улице, заторопились, и в мгновение ока улица опустела...» (Там же. 82); «Кто-то подхватил Сакита под руку...» (Там же. 86); «Сакит, подняв глаза, увидел склонённые над ним головы окружавших его людей, он слышал, как они перешёптывались...» (Там же.). Отстранённость Сакита столь велика, что прохожие превращаются в безликую серую массу (см. характерную лексику «зеваки» (Там же.) «تماشاچيان»).

Во втором и третьем эпизодах рассказа, как и во многих сценах романа Ф.М. Достоевского, личные происшествия передают атмосферу раздражения,

злости. Столкновения Сакита с мальчишкой, что, «заскрежетав зубами» (Там же. 83), ударяет его палкой по ноге, и с мужчиной, который останавливается напротив, «не отрывая от него свой пылающий взор» (Там же. 86), а потом «с яростью» (Там же.) заклепывает пощёчину, отсылают к сцене из «Преступления и наказания». На Николаевском мосту Раскольникова бьёт извозчик: «Его плотно хлестнул кнутом по спине кучер одной коляски, за то что он чуть-чуть не попал под лошадей, несмотря на то что кучер раза три или четыре ему кричал. Удар кнута так разозлил его, что он, отскочив к перилам <...>, злобно заскрежетал и защёлкал зубами. Кругом, разумеется, раздавался смех» (Достоевский 1989. 109). Неприятные ощущения вскоре перестают беспокоить обоих главных героев: «...он [Сакит] тут же забыл о нившей ноге» (Джалали 2010. 83); «Боль от кнута утихла, и Раскольников забыл про удар» (Достоевский 1989. 110). Причина столь быстрого переключения внимания – сосредоточенность персонажей на своих мыслях, в «Преступлении и наказании» она называется «мономанией» (Там же. 195, 328, 505).

Вполне сочувственная реакция окружающих на падение Скита («Вставайте, господин... Что за ссора вышла между вами и тем типом? Вам нужна помощь?» (Джалали 2010. 86)) воспринимается героем негативно, что отчасти объясняется его болезненным состоянием («Он ждал, когда перешёптывание окружавших его людей превратится в гудение и жужжание гигантских насекомых» (Там же.)). И позволяет провести параллель с ещё одним эпизодом из «Преступления и наказания», сценой смерти Мармеладова: «...жильцы, один за другим, протеснились обратно к двери с тем странным внутренним ощущением довольства, которое всегда замечается, даже в самых близких людях, при внезапном несчастье с их ближним, и от которого не избавлен ни один человек, без исключения, несмотря даже на самое искреннее чувство сожаления и участия» (Достоевский 1989. 172). Утверждение подсознательной, рефлекторной природы асоциального начала в человеке – очень важная в контексте исследуемого вопроса идея, объединяющая произведения двух писателей.

Открытость пространства улиц контрастирует с теснотой комнат. И Ф.М. Достоевский, и Ф.З. Джалали используют слово «каморка»¹ («كَمْرَة»). Сакит заделывает в своём жилище каждую дырку, затыкает щёлки, «чтобы ни один звук не мог проникнуть» (Джалали 2010. 85) туда, признаётся, что «превратил <...> заброшенную каморку в свою келью» (Там же.). Раскольников чувствует, как ему душно и тесно в «каморке, похожей на шкаф или на сундук» (Достоевский 1989. 41). Изолированность жилищ героев – ещё один знак их отчуждённости.

Как и у Ф.М. Достоевского, картины природы у Ф.З. Джалали даются в восприятии героев. С.Н. Дурылин обращает внимание на то, что в «Преступлении и наказании» персонажам сопутствуют диаметрально противоположные описания: «Поразительнее всего, что “зной” и яростное городское пыльное солнце сопровождает в романе только Раскольникова. У другого – второго по назначению действующего лица романа, у Свидригайлова, – совсем другое пейзажное сопровождение – обратное: дождь» (Дурылин 2009. 489). В рассказе Ф.З. Джалали главное место в описаниях природы отводится грозе. И потому целесообразно соотнести именно эти фрагменты.

С изображения ливня начинается глава романа Ф.М. Достоевского, в которой повествуется о самоубийстве Свидригайлова (Ч. 6, IV). «К десяти часам надвинулись со всех сторон страшные тучи; ударил гром, и дождь хлынул, как водопад. Вода падала не каплями, а целыми струями хлестала на землю. Молния сверкала поминутно, и можно было сосчитать до пяти раз в продолжение каждого зарева» (Достоевский 1989. 472). Потом брызги летят к нему в открытое окно – «с деревьев и кустов» (Там же. 281). «Выйду сейчас, пойду прямо на Петровский: там где-нибудь выберу большой куст, весь облитый дождём, так что чуть-чуть плечом задеть и миллионы брызг обдадут всю голову...» (Там же.), – думает Аркадий Иванович. На улице ему мерещатся

1. В произведениях Ф.М. Достоевского лексема «каморка» появляется с завидной регулярностью.

«...мокрые дорожки, мокрая трава, мокрые деревья и кусты и, наконец, тот самый куст...» (Там же. 484). Дорогу перебегают «грязная, издрогшая собачонка, с поджатым хвостом» (Там же.). Свидригайлов стреляет себе в висок на глазах у «официального свидетеля» (Там же.) – охранника.

В «Проклятых часах» герой тоже встречает на своём пути мокрую от дождя собаку. Как и в романе Ф.М. Достоевского, в рассказе Ф.З. Джалали конфликтный пейзаж демонстрирует разлад между человеком и природой: «Сильный ветер будто бы специально собрал все опавшие жёлтые листья, и, подгоняемые им, они спешили теперь навстречу Сакиту. Пугающе грянул гром. Взглянув на небосвод, Сакит увидел, что его густо заволокло чёрными облаками, находящимися в непрерывном движении. Минутой позже начался сильнейший ливень» (Джалали 2010. 82). Вода не производит на Сакита удручающее впечатление, как на Свидригайлова: «Капли падали в наскоро образовавшиеся после дождя небольшие лужицы мерно и успокаивающе» (Там же. 83). Но герой «Проклятых часов» представляет, как на него могут действовать эти звуки в случае возникновения приступа: «Как же прекрасно звучание капли! Но если бы я услышал его только в четыре часа?! Боже, тогда каждая капелька обрушивалась бы как каменная глыба, падающая с заоблачной высоты в глубину моего сознания, отдаваясь там страшным гулом» (Там же. 83–84).

Пейзажи в произведениях обоих писателей символичны. Однако у Ф.М. Достоевского фантастика завуалирована, а у Ф.З. Джалали – нет. Сразу после того, как загадочный торговец древностями запускает маятник огромных старинных часов, длинную тёмную улицу – «вдруг» (Там же. 82) – озаряет «яркая вспышка молнии» (Там же.). Раскаты грома вызывают страх. Листья спешат «навстречу» (Там же.) Сакиту. Конфликт с мальчишкой сопровождается «непрекращающийся ливень» (Там же. 83). Дождь стихает после бегства обидчика, «умывает и преображает» (Там же.) телефонную будку, которая теперь смотрит на героя «призывно, словно в ожидании» (Там же.). Чёрные тучи в это время рассеиваются, «обнажая чистое яркое небо» (Там же.).

Повествование в рассказе «Проклятые часы» ведётся одновременно в двух планах – реальном и фантастическом. Можно полагать, что продавец просто привёл в действие часовой механизм, на который обратил внимание прохожий. А можно сделать вывод, что маленький торговец древностями раскрыл тайную причину недуга Сакита и дал ему шанс на излечение. Примечательны такие «сказочные» детали, как чёрные стрелки, застывшие ровно на 12, загадочный тяжёлый взгляд старика и его «еле заметная улыбка» (Там же. 82). «Все эти антикварные изделия и сам продавец по ту сторону витрины будто отделились от внешнего мира и с каждым мгновением всё более удалялись от него, становились всё нереальнее» (Там же. 79), – подчёркивает повествователь. Значимо противопоставление «неземного покоя» (Там же. 79), царящего за витриной лавочки, и бешеного движения по эту сторону витрины.

Та же двойственность прослеживается в следующем описании. «Насквозь промокший высокий мальчуган с палкой в руке» (Там же. 82) выглядит вполне обыденно. Но Сакит видит больше, чем остальные: «Мальчишка прямо-таки горел, в его зрачках подрагивал огонь триумфа, огонь собственного превосходства над застигнутым врасплох беспомощным животным» (Там же). Эти горящие глаза, скрежет зубов позволяют вести речь о воплощённом в персонаже дьявольском начале, с которым сталкивается главный герой.

Ещё более inferнален облик мужчины из телефонной будки. Внешность незнакомца соответствует зороастрийскому типу: высокий рост, длинные волосы, выщаяся борода, «две брови-дуги и орлиный нос» (Там же. 84). Ср. с описанием из этнографического очерка: «Многие европейские и русские путешественники и учёные, побывавшие в Иране в XVII–XIX вв. <...>, поразному описывая внешность и характер зороастрийцев, отмечали, что внешний облик их несколько отличался от персов: зороастрийцы были выше ростом, у них более широкий овал лица, которое носит оливковый оттенок, но это происходит скорее от загара. Нос тонкий, орлиный. У них тёмные, длинные, волнистые волосы и густые бороды. Глаза широко расставленные, серебристо-серого цвета, под ровным, светлым, выступающим лбом»

(Дорошенко 1982. 47). По мнению Сакита, незнакомец выглядит зловеще. Отмечается его пальто «пепельного цвета» (Джалали 2010. 86; Пепел здесь можно рассматривать как символ распадающейся в пыль материи.), «спутанные волосы» (Там же.), пара «длинных и крепких, как могучие стволы деревьев, ног» (Там же.).

Казалось бы, поведение мужчины ничем не обращает на себя внимание. Сначала он стоит возле телефонной будки и чего-то ждёт (возможно, ему нужно позвонить в определённое время). Потом, опередив Сакита, входит внутрь и начинает разговор. Тот пытается поторопить незнакомца, стучит монеткой о стекло. Мужчина поворачивается к нему, но продолжает общаться по телефону. Сакит вновь и вновь пытается привлечь к себе внимание. В конце концов незнакомец теряет терпение – и выходит из будки...

Как было указано выше, в глазах Сакита мужчина предстаёт особым существом. Как только он закрывает за собой дверь, герою видится, «что с земли поднимается зелёная пыль, превращая улицу во что-то необыкновенное» (Там же. 84). «...В нескольких метрах от телефонной будки уже кончается земля и начинается космическое пространство... если пройти эти несколько метров, можно вечно скитаться по неизмеримым небесным просторам» (Там же.). Незнакомец обладает таинственной силой: «От демонической тяжести его взора у Сакита похолодела кровь. Эта невероятная тяжесть проникала в каждую клеточку его тела, заставляя дрожать даже пальцы. Весь охваченный сильной до боли дрожью, он посмотрел на свои пальцы и, не веря своим глазам, заметил, что они трясутся. Но как только мужчина отвернулся, Сакит тут же почувствовал освобождение: как будто кто-то, минуту назад сжимавший его сердце, передумал его убивать» (Там же. 84–85). Герой теряет силы, он всё больше и больше подчиняется воле незнакомца: «Мужчина повернулся и бросил горящий взгляд прямо на Сакита. Два языка пламени, пылающих в его глазах, как будто проникли прямо в голову Сакита. Глаза мужчины с каждым мгновением становились всё больше и больше, а языки пламени в его зрачках всё ярче и ярче. Казалось, время остановилось, и

этим адским минутам, отсчитываемым для Сакита старыми медными часами, не было конца» (Там же. 85–86).

Яростная пощёчина, полученная от незнакомца, долго не позволяет герою прийти в себя. Мерные удаляющиеся шаги мужчины как будто отсчитывают мгновения – время до начала приступа. Звуки становятся всё приглушённое: «Сакит почувствовал, что этот человек, дойдя до конца земли, вошёл в бесконечность и теперь мчится со скоростью света в сторону Млечного Пути сквозь голубое небо, приближаясь к вечности» (Там же. 86). Приступ так и не начинается.

Ф.З. Джалали описывает странный недуг, который мучает героя на протяжении трёх лет. Каждый день в одно и то же время у Сакита начинаются ужасные боли: «ровно в четыре и ни минутой раньше, ни минутой позже» (Там же. 81), – жалуется он торговцу древностями. «В первую очередь начинают немного гореть щёки, потом жжение распространяется дальше – на глаза, уши, горло – и постепенно охватывает всё тело. Проходя через уши, эта нестерпимая боль обостряет мой слух. Тогда мне кажется, что все мои сосуды и капилляры немевают. И, подобно тоненькой струнке, которая колеблется от малейшего дуновения ветерка, я становлюсь сверхчувствительным к звукам. <...> Одно только начало этой ужасающей боли можно приравнять ко всем земным страданиям. И целых полчаса всю боль этого мира вводят, как инъекцию, мне в мочку уха. В мою голову словно заливают расплавленный свинец, и он распространяется по тысячам сосудов, всё обжигая, прокладывая себе путь всё дальше и дальше. А я только кричу... кричу...» (Там же. 83).

Симптомы описанного недуга позволяют сделать вывод, что Сакит мучается от кластерной головной боли. Это достаточно редкое заболевание, присущее только мужчинам. Приступы, действительно, начинаются в одно и то же время, прогрессируют, ничем не лечатся, но могут закончиться сами по себе. Более того, в медицине до сих пор не существует единого мнения касательно причины наступления болей. Поэтому слова старика по поводу «сверхъестественного» характера недуга не столь необоснованны, как может показаться.

Сильная боль вызывает эмоциональное и физическое истощение. Это сказывается на внешности Сакита, старик из лавочки сразу отмечает его «необъяснимое беспокойство, неприкаянность» (Там же. 80). Так же как Мармеладов с первого взгляда читает на лице Раскольникова «некую скорбь» (Достоевский 1989. 17). Главный герой романа Ф.М. Достоевского не похож на здорового мужчину: «Раскольников... был очень бледен, рассеян и угрюм. Снаружи он походил как бы на раненого человека или вытерпливающего какую-нибудь сильную физическую боль: брови его были сдвинуты, губы сжаты, взгляд воспалённый. Говорил он мало и неохотно, как бы через силу или исполняя обязанности, и какое-то беспокойство изредка появлялось в его движениях» (Достоевский 1989. 209). Обратим внимание на повторяющуюся в текстах лексему «беспокойство» («نگرانى»).

Очевидно, что переживания Сакита и Раскольникова влияют на образ их мыслей. К довершению всего, у обоих героев есть своя теория, руководство к действию. В письме Пульхерия Александровна спрашивает сына: «Молишься ли ты Богу, Родя, по-прежнему и веришь ли в благодать Творца и Искупителя нашего? Боюсь я, в сердце своём, не посетило ли и тебя новейшее модное безверие?» (Там же. 40). Родион Раскольников не ходит в храм, не читает молитв, а в разговоре с Соней заявляет злорадно: «Да, может, и Бога-то совсем нет» (Там же. 303). Существование Бога отвергает и Сакит. На вопрос торговца древностями, верующий ли он человек, герой отвечает: «Я верю в научные факты... В естественную науку. Я всегда руководствуюсь точными естественными знаниями» (Джалали 2010. 81). Отметим противоречие: свои мучения Сакит описывает с помощью образов потустороннего мира: «На это время я словно спускаюсь в преисподнюю...» (Там же. 81); «...какая-то неземная сила поднимает на смех всю его непоколебимую волю» (Там же. 84).

Раскольников проверяет свою исключительность, совершая убийство. Обуреваемый гордыней, он отдаляется от людей. Показательна сцена у письмоводителя, когда «мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения вдруг сознательно сказалось душе его» (Достоевский 1989. 100); «он ясно ощущал, что <...> ему уже нельзя более обращаться к

этим людям, в квартальной конторе, и будь это всё его родные братья и сёстры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно незачем было бы обращаться к ним и даже ни в каком случае жизни» (Там же.). Выводы Сакита не столь радикальны, но всю жизнь (герою 48 лет) он старается «ни к чему не привыкать и не привязываться» (Джалали 2010. 80). Это его осознанный выбор: «Я уверен, что повторяемость какого-либо явления ведёт к выработке привычки к нему. И привычки эти печаливают нас, а особенно печаливает причина их появления. Мне известно это правило, и потому я ничему не позволяю повторяться в моей жизни долгое время, потому я ни к чему не привыкаю...» (Там же.).

Желание ни к чему не привязываться означает готовность к отвержению любви. В сердце Сакита царит пустота, это чувствует старик из антикварной лавочки: «Я бы не сказал, что за вашим именем стоит умиротворённость...» (Там же.; Имя «Сакит» переводится с персидского как «тишина»). Не случайно торговец огорошивает собеседника внезапным вопросом: «А скажите, вам уже приходилось убивать кого-нибудь? <...> Хотите сказать, что вас никогда не посещало подобное желание? <...> Оно тайно гнездится в душе каждого из нас... Раскольников – лишь один из тех, кто поддался ему и осуществил» (Там же.).

Сакит в глубине души догадывается о неслучайности своего недуга: «...Подумайте сами, насколько это мучительно для меня: вдруг является боль и в течение трёх лет ежедневно ровно в четыре пополудни обрушивается на меня. И эта проклятая регулярность становится моей привычкой. Разве это не странно?» (Там же. 81). Старик подтверждает его подозрения: «Вы не думаете, что это неспроста, что вы должны вынести из этого какой-то урок?» (Там же.). Но Сакит не хочет смириться с очевидным. Он бросает вызов, который похож на индивидуалистический бунт Раскольникова: «...Я должен взглянуть этой боли в лицо, я должен восстать против неё...» (Там же. 81–82).

Ложный путь, избранный главным героем «Преступления и наказания», во многом обусловлен крайней впечатлительностью бывшего студента и его способностью к состраданию. «Те явления, мимо которых обыкновенный

человек проходит совершенно равнодушно, производят неизгладимое впечатление на Раскольникова», – замечает Н.М. Чирков (Чирков 1967. 102). То же можно сказать и про Сакита. Случай с мальчишкой и псом – это фактически проверка героя на человечность. Мокрая собака, скуля, прижимается к его ногам, виляет хвостом, просит защиты: «Чётные глаза животного смотрели на него пристально и жалобно» (Джалали 2010. 82). Сакит оказывается «между двумя полюсами – гордостью, самодовольством и покорностью» (Там же.). Два этих полюса – гордость и покорность – суть душевных исканий, страданий самого героя. Недлинная дорога мужчины от антикварной лавки до телефонной будки знаменует путь от высокомерия, эгоизма к смирению и любви.

Проведём неожиданное, на первый взгляд, сопоставление. По ряду признаков эпизод с собакой можно соотнести с уличной сценой из «Преступления и наказания», когда Раскольников спасает от «жирного франта» находящуюся в пьяном забытьи молоденькую девушку. «...Шагах в пятнадцати, на краю бульвара, остановился один господин, которому, по всему видно было, очень бы хотелось тоже подойти к девочке с какими-то целями. Он тоже, вероятно, увидел её издали и догонял, но ему помешал Раскольников. Он бросал на него злобные взгляды, стараясь, впрочем, чтобы тот их не заметил, и нетерпеливо ожидал своей очереди, когда досадный оборванец уйдет. <...> И он взмахнул хлыстом. Раскольников бросился на него с кулаками, не рассчитав даже и того, что плотный господин мог управиться и с двумя такими, как он» (Достоевский 1989. 48). Сакит оказывается между собакой и злым мальчишкой, Раскольников – между девушкой и франтом; в обоих случаях герои не в состоянии потворствовать подлости, цинизму, жестокости. Они не задумываясь становятся на защиту жертв. И эти импульсивные действия свидетельствуют об их сердечной искренности, способности к сочувствию.

Полученная Сакитом оплеуха тоже может быть рассмотрена как аллюзия на произведения Ф.М. Достоевского. Мотив «пощёчины без ответа» повторялся во многих замыслах русского писателя, был разработан в

«Идиоте», «Бесах», «Братьях Карамазовых» и др. «Известные скандалы в романах Достоевского нередко сопровождаются пощёчинами и заушениями», – отмечает Р.Г. Назиров (Назиров 2005. 126). Однако по своей тональности сцена из рассказа Ф.З. Джалали ближе к восточной притче. У Ф.М. Достоевского пощёчина без ответа больше мучает человека, нанёсшего удар. Так, в «Идиоте» моральное превосходство остаётся за князем Мышкиным:

«– Ну, это пусть мне... а её всё-таки не дам!.. – тихо проговорил он наконец; но вдруг не выдержал, бросил Ганю, закрыл руками лицо, отошёл в угол, стал лицом к стене и прерывающимся голосом проговорил:

– О, как вы будете стыдиться своего поступка!

Ганя действительно стоял как уничтоженный. Коля бросился обнимать и целовать князя; за ним затеснились Rogojin, Варя, Птицын, Нина Александровна, все, даже старик Ардалион Александрович.

– Ничего, ничего! – бормотал князь на все стороны с тою же неподходящею улыбкой.

– И будет каяться! – закричал Rogojin, – будешь стыдиться, Ганька, что такую... овцу (он не мог приискать другого слова) оскорбил!» (Достоевский 1989 а. 121).

В «Проклятых часах» угрызения совести испытывает Сакит. Поступок незнакомца как будто бы открывает ему глаза. В восточной притче о царе Акбаре неожиданная и совсем не заслуженная пощёчина, данная владыкой своему приближённому, «возвращается» повелителю его собственной женой, которая рассказывает, что удар передавался по всей столице. В другой притче юноша, обучавшийся в Европе, получает оплеуху от исламского улема – в ответ на три провокационных вопроса: о существовании Бога, судьбе и шайтане. Старец не наказывает юношу: он наглядно и доходчиво объясняет суть всеобщих законов: «Все мы, чувствуем существование Бога, будучи не в

состоянии видеть Его формы»; «Это – судьба», «Даже при том, что шайтан и ад были созданы из огня, если Аллах захочет, то адский огонь станет очень болезненным для шайтана» (Ответы мудреца 2012). От удара незнакомца Сакит падает на колени. Но он не чувствует униженности, не гневается на «оскорбителя». Боль не приходит в назначенное время. Герой с трудом поднимается на ноги и спрашивает: «Куда он ушёл?.. Доктор... Доктор... Где он?» (Джалали 2010. 87).

На наш взгляд, многое объясняет время начала приступов у Сакита. «Четвёрка» символизирует статическую целостность, устойчивость – законов, правил жизни, истины. Исламская четверица включает принцип-творца, мировой дух, мировую душу, изначальную материю. С этой цифрой коррелирует и возраст персонажа (число «48» состоит из двух цифр: «4» и «4×2»). Он пытается оспорить очевидное, неизбывное – за что и наказывается.

Заключение

В «Проклятых часах», как и в «Преступлении и наказании», главный герой переходит от ощущения собственной исключительности к осознанию «всемства», общности. В последней сцене рассказа окружившие Сакита люди старательно отсчитывают минуты без боли – вместо старых медных часов на витрине антикварного магазина. Ф.М. Достоевский не считает, что Homo sapiens во что бы то ни стало стремится к удовольствию или выгоде; по мнению писателя, человек постоянно находится в поисках смысла жизни, и находить ему этот смысл помогает страдание. Идея рассказа Ф.З. Джалали, как нам представляется, та же: тишина в сердце («сакит») порождает боль. Одиночество, разочарованность – следствия высокомерия. Счастливый человек не может не зависеть от окружающих.

Литература

- 1- Джалали Ф.З. (2010) *Проклятые часы* / Пер. М.Б. Гетахун и Дж.Х. Дорри. Современная иранская проза: антология иранского рассказа. Т. 2. Санкт-Петербург. Изд-во: «Петербургское Востоковедение». С. 79–87.

- 2- Достоевский Ф.М. (1989) *Преступление и наказание. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5.* Ленинград. Изд-во: «Наука. Ленинградское отделение».
- 3- Достоевский Ф.М. (1989 а) *Преступление и наказание. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6.* Ленинград. Изд-во: «Наука. Ленинградское отделение».
- 4- Дорошенко Е.А. (1982) *Зороастрийцы в Иране (историко-этнографический очерк).* Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
- 5- Дурылин С.Н. (2009) *Пейзаж в произведениях Достоевского.* Достоевский и мировая культура: альманах. № 25. Москва. Изд-во: «С.Т. Корнеев». С. 476–508.
- 6- Назиров Р.Г. (2005) *Жесты милосердия в романах Достоевского. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход.* Исследования разных лет: сборник статей. Уфа: РИО БашГУ. С. 125–133.
- 7- Ответы мудреца (2012) *Достоверное слово об исламе. Кладезь мудрости.* URL: <http://www.islam.uz/tazkiyah/mudrost/1582-otvety-mudrec.html> (дата обращения 12.06. 2016 г.).
- 8- Чирков Н.М. (1967) *О стиле Достоевского.* Москва: Изд-во «Наука».

Bibliography

- 1- Dzhali F.Z. (2010) *Proklyatye chasy / Per. M.B. Getahun i Dzh.H. Dorri.* Sovremennaja iranskaja proza: antologija iranskogo rasskaza. T. 2. Sankt-Peterburg. Izd-vo: «Peterburgskoe Vostokovedenie». S. 79–87.
- 2- Dostoevskij F.M. (1989) *Prestuplenie i nakazanie. Sobraie sochinenij: v 15 t. T. 5.* Leningrad. Izd-vo: «Nauka. Leningradskoe otdelenie».
- 3- Dostoevskij F.M. (1989 a) *Prestuplenie i nakazanie. Sobraie sochinenij: v 15 t. T. 6.* Leningrad. Izd-vo: «Nauka. Leningradskoe otdelenie».
- 4- Doroshenko E.A. (1982) *Zoroastrijcy v Irane (istoriko-jetnograficheskij ocherk).* Moskva: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka».
- 5- Durylin S.N. (2009) *Pejzazh v proizvedenijah Dostoevskogo.* Dostoevskij i mirovaja kul'tura: al'manah. № 25. Moskva. Izd-vo: «S.T. Korneev». S. 476–508.
- 6- Nazirov R.G. (2005) *Zhesty miloserdija v romanah Dostoevskogo. Russkaja klassicheskaja literatura: sravnitel'no-istoricheskij podhod.* Issledovanija raznyh let: sbornik statej. Ufa: RIO BashGU. S. 125–133.
- 7- Otvety mudreca (2012) *Dostovernoe slovo ob islame. Kladez' mudrosti.* URL: <http://www.islam.uz/tazkiyah/mudrost/1582-otvety-mudrec.html> (data obrashhenija 12.06. 2016 g.).
- 8- Chirkov N.M. (1967) *O stile Dostoevskogo.* Moskva: Izd-vo «Nauka».

«ساعت لعنتی» فیروز زنوزی جلالی از دریچه بوطیقای داستایفسکی

یلنا یوگننی‌یونا زاویالووا*

استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان،
آستراخان، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۱۶؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۱۷)

مقاله حاضر به بررسی داستان کوتاه «ساعت لعنتی» نوشته نویسنده مشهور ایرانی، فیروز زنوزی جلالی و مقایسه تطبیقی آن با آثار داستایفسکی می‌پردازد. این داستان با حوادث رمان «جنایت و مکافات» شباهت‌هایی دارد؛ نکات مشترکی از قبیل حوادث خیابانی که برای قهرمانان داستان‌ها اتفاق می‌افتد و همچنین شباهت‌های دو اثر در توصیف مناظر از زبان شخصیت‌های داستان، توصیف اتاق‌های آنها و اشتراکات دو اثر به لحاظ قرابت ویژگی‌های شخصیتی قهرمانان دیده می‌شود. ویژگی‌های شخصیتی قهرمانان اصلی دو اثر یعنی سکیته و راسکولنیکوف مقایسه و نشان داده می‌شود که هر کدام از آنها از اصول اخلاقی خاصی بهره می‌گیرد. راسکولنیکوف مرتکب قتل می‌شود تا از این طریق فردیت خاص خود را به اثبات برساند. وی در غرور غوطه‌ور شده و به تدریج از مردم فاصله می‌گیرد. با اینکه سکیته به این اندازه رفتارهای تند و افراطی از خود بروز نمی‌دهد اما در شخصیت او اصولی مبنی بر اینکه نباید به هیچ چیز عادت کرد و وابسته شد، به خوبی نمایان است. این امر به معنی تمایل به رد عشق است. صحنه گذاشتن بر باطنی بودن، ذاتی و طبیعی بودن ماهیت هنجارهای ضد اجتماعی در انسان، موضوع مشترک در آثار این دو نویسنده ایرانی و روس است. نتایج مقایسه تطبیقی نشان می‌دهد که هر دو قهرمان در حال گذار از احساس فردیت و یگانگی به معرفت «اجتماعی» بودن هستند.

واژگان کلیدی: فیروز زنوزی جلالی، داستایفسکی، ادبیات تطبیقی، دوگانگی در تصویرپردازی، کروئوتوپ، ایده.

* E-mail: zavyalovaelena@mail.ru